

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ

Чудинов А. П.
Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0001-5436-5273
E-mail: ap_chudinov@mail.ru

УДК 811.161.1'38:811.161'42
DOI 10.26170/FK19-02-05
ББК Ш141.12-55+Ш141.12-55
ГСНТИ 16.21.29
Код ВАК 10.02.19; 10.02.01

Никифорова М. В.
Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-0635-7065

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ ПОЛИТИКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОМИЧЕСКОГО

Аннотация. Статья посвящена анализу публичной речевой практики широко известного в России общественно-политического деятеля, мэра Екатеринбурга (2013–2018 гг.) Е. В. Ройзмана. Индивидуальный дискурс политика рассматривается в работе как фрагмент общенационального политического дискурса и характеризуется через призму современных тенденций в развитии публичной коммуникации. Одной из таких тенденций признается сближение политического и развлекательного дискурса СМИ, которое проявляется, в частности, в активном применении политиками и журналистами, обслуживающими сферу медийного политического дискурса, всевозможных средств комического в различных ситуативных контекстах. Комическое рассматривается в работе как лингвопрагматическая категория, обладающая определенным смысловым содержанием, системой средств выражения и функцией воздействия на адресата. Встраиваясь в содержательное поле политического дискурса, средства комического с разной степенью оригинальности и прагматической обусловленности проявляют себя в идиостильях политиков, общественных деятелей и журналистов.

Ключевые слова: политический дискурс; языковая личность; лингвоперсонология; политические деятели; политическая риторика; политические речи; речевая деятельность; индивидуальный стиль; комическое; средства комического.

Цель работы состоит в выявлении репертуара средств комического и реализуемых ими функций в индивидуальном дискурсе Е. В. Ройзмана в период его работы в должности мэра Екатеринбурга. Анализ комических приемов, их прагматическая направленность на адресата, а также роль в индивидуальном стиле политика осуществляется на материале текстов разной жанрово-стилистической отнесенности с применением методов лексико-семантического, стилистического и дискурсивного анализа. Авторы делают вывод, что осуществляемый политиком выбор конкретных средств и приемов, а также разнообразие их языкового оформления детерминированы особенностями индивидуально-творческого подхода к отражению явлений социально-политической действительности и оригинальностью манеры изложения. Авторы также отмечают прагматическую полифункциональность и тематическую обусловленность применяемых политиком языковых средств комического.

Chudinov A. P.
Nikiforova M. V.
Ekaterinburg, Russia

INDIVIDUAL STYLE OF A POLITICIAN IN THE LIGHT OF THE COMIC

Abstract. The article analyzes public communication of a well-known Russian public and political figure, ex-Mayor of Ekaterinburg (2013–2018) Eu. V. Roizman. We understand an individual discourse of a politician as a fragment of the national political discourse, which is characterized through the prism of current trends in the development of public communication. One of the trends is the interrelation of political and entertainment discourse in the media, which manifests itself among other things in the active use by politicians and journalists of all kinds of comic tools. In this paper the comic is considered as a linguistic and pragmatic category with a certain semantic content, and a system of means and mechanisms of expression; the means of the comic are expected to provide a certain impact on the recipient of the political text. They vary in the terms of originality and pragmatic functions, and when incorporating into the political discourse they manifest themselves in the individual style of politicians, public figures and journalists in very different ways.

Keywords: political discourse; linguistic personality; linguopersonology; politicians; political rhetoric; political speeches; speech; individual style; the comic; the means of expressing the comic.

The purpose of the paper is to identify the comic means and the functions they implement in Eu. Roizman's individual discourse. We only consider the texts produced by Eu. Roizman during his term as Mayor of Ekaterinburg. The analysis of comic techniques, their pragmatic focus, as well as the role in the politician's individual style is carried out on the texts of different genres and stylistic types by method of lexical-semantic, stylistic and discourse analysis. The authors conclude that the choice of specific types of the comic, as well as the diversity of their linguistic means and mechanisms, is conditioned by the peculiarities of the politician's individual approach to reflecting the phenomena of socio-political reality and his original manner of information presentation. The authors also stress upon the multifunctional focus of the comic used by the politician.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-012-00465 «Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот».

Acknowledgments: The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 19-012-00465 “Linguistic Political Personology: A Discursive Turn”.

Для цитирования: Чудинов, А. П. Индивидуальный стиль политика сквозь призму комического / А. П. Чудинов, М. В. Никифорова // Филологический класс. – 2019. – № 2 (56). – С. 40–49. DOI 10.26170/FK19-02-05.

For citation: Chudinov, A. P. Individual Style of a Politician in the Light of the Comic / A. P. Chudinov, M. V. Nikiforova // Philological Class. – 2019. – № 2 (56). – P. 40–49. DOI 10.26170/FK19-02-05.

Введение

Смена научной парадигмы в языкознании во второй половине XX века – так называемый антропологический поворот – приводит к актуализации вопроса связи человека и языка. При этом наибольший исследовательский интерес сосредотачивается на изучении коммуникативно-речевого поведения представителей профессиональных групп, на проблеме институциональной (дискурсивной) языковой личности. Не остается без внимания и сфера политической коммуникации. Исследователи рассматривают *homo politicus*, с одной стороны, как носителя индивидуальных речеповеденческих характеристик, с другой стороны – как тип институциональной личности, несущей в себе признаки групповой принадлежности. Изучение человека политического осуществляется в различных аспектах и в рамках (и на пресечении) различных лингвистических направлений – когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, прагматики и др. Представляется закономерным, что наибольшее количество публикаций посвящено исследованию речи политических лидеров: президентов России В. В. Путина и Д. А. Медведева [Васильев 2015; Гаврилова 2011; Кошкарлова 2011 и др.], президентов США Б. Обамы [Липко, Антипова 2014; Садуов 2012 и др.], Д. Трампа [Hall, Goldstein, Ingram 2016; Lakoff 2017 и др.], британского премьер-министра Т. Мэй [Кауфова 2017; Федорова 2018 и др.] и др. В то же время политические фигуры более мелкого ранга также нередко становятся объектом исследовательского интереса, поскольку свою лингвистическую уникальность политики демонстрируют вне зависимости от положения в государственной властной иерархии. Так, встречаются работы, в центре внимания которых лидеры политических партий и яркие представители политической оппозиции – А. Навальный [Бычков 2014], К. Собчак [Гертнер 2016] и др.

Исследователи публичной речи политиков сосредотачивают внимание на различных лингвистических аспектах – коммуникативных стратегиях и тактиках, средствах вербального воздействия и манипулирования и т. д. В рамках исследования идиостиля политика также изучается функционирование форм и средств комического, вскрываются механизмы создания комических эффектов, анализируется их стилистический и прагматический потенциал. В настоящей статье рассматриваются разновидности комического в идиодискурсе широко известного российского политика и общественного деятеля,

депутата Государственной Думы РФ (2003–2007 гг.), экс-главы Екатеринбурга (2013–2018 гг.) Е. Ройзмана. Материалом для исследования послужили публичные выступления Е. Ройзмана – пресс-конференции и интервью различным СМИ в период с 2013 по 2018 гг., а также записи-посты политика, размещенные на платформе livejournal (*Живой журнал, сокр. ЖЖ – прим. авт.*). В исследовании применяются методы лексико-семантического, стилистического, дискурс-анализа.

I. Homo politicus и лингвополитическая персонология

Термин «лингвополитическая персонология», ориентированный именно на политическую коммуникацию, впервые был употреблен представителями Уральской школы политической лингвистики Е. А. Нахимовой и А. П. Чудиновым [Нахимова, Чудинов 2014] для характеристики комплексного исследования образа политика как объекта языковой концептуализации и одного из фрагментов современной языковой картины мира. Впоследствии термин стал использоваться и для обозначения направления современной политической лингвистики, изучающего специфику проявлений профессиональной языковой личности в политической сфере.

В наиболее общем виде объект исследования лингвополитической персонологии – это профессиональная коммуникативная деятельность в политической сфере. Соответственно предметом исследования следует считать соотношение институционального и индивидуального в профессиональной коммуникативной деятельности политика. В зависимости от практических задач и методологических установок лингвиста предметом изучения в конкретных публикациях становятся лингвокогнитивные, прагматические и иные особенности публичной речевой практики политика в их соотношении с характеристиками политической сферы коммуникации. Так, среди западных ученых, занимающихся вопросами индивидуальных дискурсивных практик в политической сфере, наибольшей популярностью пользуются когнитивный анализ [Lakoff 2017 и др.] и критический дискурс-анализ [Jurai 2007 и др.]. Китайские исследователи, изучающие вербальный облик нынешних и исторических китайских лидеров, в своих публикациях также наиболее активно применяют когнитивный подход [Сюй Лихун 2017 и др.].

В своих предыдущих публикациях [Чудинов, Никифорова 2018 и др.] мы уже характеризовали понятийно-терминологический аппарат лингвополитической персонологии и наиболее востребованные исследовательские методики, поэтому в рамках настоящей статьи, задачи которой ограничиваются анализом категории комического в речи конкретного политического деятеля, мы остановимся лишь на понятии индивидуального стиля и его преломлении в контексте политической коммуникации.

II. Индивидуальный стиль политика

В российском стилистическом словаре понятие идиостиля трактуется как «совокупность доминирующих отличительных свойств речи индивида, проявляющихся в употреблении языковых единиц – как в качественном, так и в количественном отношении – в рамках данного функционального стиля, жанра, текстовой категории и т. п.» [Стилистический энциклопедический словарь... 2006: 96]. В работах лингвистов, занимающихся вопросами межкультурной коммуникации, понятие стиля (коммуникативного стиля) языковой личности, будь то конкретная личность или обобщенный / коллективный образ, трактуется значительно шире и включает в себя как вербальный, так и невербальный компонент общения, на которые при этом также накладываются определенные контекстуальные ограничения. Так, Х. Коттофф определяют стиль как «the particular way in which utterances and activities are performed in their context of use» (способ реализации высказываний и действий в конкретном контексте) [Kotthoff 2009: 177]. Эта мысль подчеркивается и в работах Т. В. Лариной [Ларина 2018, Larina 2015 и др.], занимающейся вопросами культурно-обусловленного коммуникативного этностиля: «...we can speak of two complementary sub-domains in the area of communicative behavior – verbal and nonverbal, which together form a communicative ethno-style (можно говорить о двух взаимодополняющих друг друга субсферах коммуникативного поведения – вербальной и невербальной, которые вместе образуют коммуникативный этно-стиль) [Larina 2015: 207].

Разумеется, при анализе публичной речевой практики современных политических деятелей невербальный компонент имеет немаловажное значение и в большей или меньшей степени также входит в сферу интересов исследователя-лингвиста. Другим принципиальным, на наш взгляд, уточнением понятия «идиостиль» применительно к политическому дискурсу становится учет функциональной значимости применяемых политиком языковых средств. Иными словами, характеризуя идиостиль политика, лингвист неизбежно выходит за пределы собственно стилистики в область функциональной стилистики и прагматики, поскольку применяемый политиком арсенал языковых средств оценивается не только с точки зрения художественно-эстетической функции, но и в отношении широкого спектра прагматических задач, имеющих подчас гораздо большую значимость, нежели просто демонстрацию лингвистической креативности автора политического текста.

Наконец, еще одно важное уточнение. Как мы уже отмечали, политический деятель представляет собой институциональный тип личности, обусловленный как стабильными признаками институционального дискурса, так и персонально значимыми характеристиками. В этой связи, понятие идиостиля политика также должно рассматриваться с учетом специфики не только объективных факторов дискурсообразующего порядка – жанра, модуса и т. д., – но и в целом с учетом особенностей сферы политической коммуникации на конкретном этапе ее исторического развития. Иными словами, идиостиль политика должен анализироваться исключительно в контексте современных тенденций развития политического дискурса, то есть с учетом таких его характеристик, как демократизация речи, развлекательность, агрессивность и др.

III. Политический дискурс и категория комического

В последнее десятилетие, характеризующееся стремительным развитием Интернет-коммуникации, в рамках которой в электронно-цифровом формате сегодня существуют все жанрово-стилистические разновидности СМИ, понятие политического дискурса, также активно развивающегося в Интернет-среде, претерпело определенные изменения. Так, в толкованиях политического дискурса 90-х гг. [Баранов, Казакевич 1991; Зеленский 1996 и др.] лингвисты акцентируют внимание на его четкой интенциональной направленности – борьбе за власть и удержании власти – и ограничивают содержательное поле дискурса лишь институциональными формами коммуникации. В более поздних работах [Базылев 2005; Чудинов 2006; Шейгал 2000 и др.] политический дискурс уже рассматривается как сложная полевая структура, в центре которой – институциональные жанры, характеризующиеся четкими интенциями и политическим подязыком, а на периферии – многочисленные вторичные и гибридные жанры медийного и политического дискурса со свойственными им макро- и микроинтенциями и богатым арсеналом лингвистических средств. Сегодня ученые, говоря о политике как о дискурсивном феномене, отмечают невозможность определения четких границ политического дискурса исключительно по лингвистическим показателям [Горностаева 2014, 2018 и т. д.]. Политический дискурс все чаще представляется открытой, подвижной системой, испытывающей влияние различных историко- и социокультурных факторов и механизмов, и как следствие, характеризуется взаимопроникновением и взаимовлиянием всевозможных жанрово-стилистических разновидностей коммуникации. Так, исследователи обращают внимание на сближение политического дискурса с таким подвидом медийной коммуникации, как развлекательный дискурс, или досуговое направление журналистики [Горностаева 2014, 2018; Енина, Зубова 2015 и др.], одной из типологических характеристик которого является продуцирование со стороны аудитории реакции смеха как следствие присутствия в содержательном пространстве дискурса комических эффектов.

Остановимся несколько подробнее на категории комического в языке в целом и политическом дискурсе, в частности. В наиболее широком смысле комическим считается все, что направлено на создание реакции смеха. Так, Н. Д. Арутюнова отмечает, что комические реплики наделяются множеством тональностей, таящих неуловимые смыслы, а смех или улыбка – это способ сообщить говорящему, что вы их разгадали [Арутюнова 2007: 15]. В широко известной работе В. Я. Проппа «Проблемы комизма и смеха» [Пропп 1976] автором также эксплицируется мысль об онтологической связи смеха и категории комического.

Как когнитивная категория комическое включает все, что в той или иной форме отражает расхождение наблюдаемых свойств объекта и представления о норме, имеющейся в сознании воспринимающего [Бушев 2011; Капацкая 2007; Желтухина 2000; Шилихина 2013; Gibbs 2007; Lipka 2009 и др.].

Как лингвопрагматическая категория комическое имеет содержательное наполнение и систему средств выражения, при этом по объему единица комического может варьироваться от слова и фразеологизма до сверхфразового единства и целого текста [Желтухина 2000; Капацкая 2007; Шелихина 2016 и др.]. Как родовое понятие комическое объединяет в себе такие явления, как юмор, ирония, сатира, сарказм и многообразные переходные и промежуточные формы [Капацкая 2007: 224].

Применение комических эффектов в политической речи в первую очередь связано с функциональными возможностями средств языка. Так, помимо гармонизирующей / контактоустанавливающей функции комическое может выполнять дискредитирующую / агональную и рефлексивно-критическую функции (оценочная характеристика существующей реальности через высмеивание социальных противоречий). Кроме того, эффекты комического в политической речи способствуют привлечению внимания адресата к сообщаемой информации, обеспечивая политику возможность трансляции собственных взглядов и оценок и становясь в этом смысле инструментом воздействия (волюнтаривная / манипулятивная функция). Одной из основных также следует считать характеризующую функцию комического – функцию самопрезентации и саморазоблачения [Желтухина 2000].

Как уже было отмечено, активное использование средств комического в современной политической речи является также следствием сближения политического и развлекательного дискурсов. Желая быть услышанными, политики стремятся сделать свои выступления максимально яркими, запоминающимися; важным становится реализация развлекательной функции комического, снятие психоэмоционального напряжения. Кроме того, в условиях глобальных информационных потоков и плюрализма мнений политическая речь становится все более завуалированной и ориентированной на адресата, способного не только к пассивному восприятию информации в виде фактов и эксплицитных оценок, но и к активному переосмыслению социально-политических реалий: встраиваясь в содержательное поле политического дискурса, средства комического заставляют адресата декодировать имплицитную информацию,

распознавать истинный смысл высказывания через обращение к собственным когнитивным способностям.

Представляется закономерным, что доминирование и взаимодополнение функций, а также вербальное оформление эффектов комического в политической речи зависит не только от интенций автора, тематической отнесенности текста, специфики аудитории и т. д. – но и от особенностей языковой личности автора политического текста, ведь, как справедливо замечает Л. Витгенштейн, комическое, являясь формой существования языка, не может рассматриваться «вне личностного представления мира». Таким образом, комическое становится важной частью вербального облика политика, проявлением его индивидуального стиля и мышления.

IV. Средства комического в индивидуальном стиле экс-главы Екатеринбурга Е. В. Ройзмана

Использование комического, несомненно, является характеристикой уникальной личностной идентичности Е. Ройзмана, проявлением его образа мыслей и оригинальной манеры изложения политической информации. Вместе с тем, как показывает анализ текстового материала, комическое в речи политика реализует самые разнообразные функции.

В работе мы используем типологию комического, предложенную А. Б. Бушевым [Бушев 2011]. Признавая в качестве классифицирующего параметра источник комического эффекта, исследователь различает 1) комическое, имплицитно содержащееся в языковых единицах, языковых явлениях и т. д.; 2) комическое, связанное с речевыми механизмами (оговорки, каламбуры и т. д.); 3) комическое, вызванное расхождением плана выражения и плана содержания – «семасиологическое комическое» (остроты, ирония); 4) комическое, связанное с жанровой природой; 5) комическое, имеющее источником экстралингвистическую реальность [Бушев 2011: 218]. Рассмотрим, как обозначенные виды комического вербализуются в дискурсе экс-главы Екатеринбурга и какие прагматические задачи они реализуют (*авторские орфография и пунктуация сохранены – прим. авт.*).

1. Комическое, имплицитно содержащееся в языковых единицах, языковых явлениях. К этому кругу явлений мы относим фразеологизмы, идиоматические выражения, а также словоформы с семантикой комического. Применение идиом и фразеологизмов в большинстве фрагментов носит негативный оценочный характер и способствует реализации рефлексивно-критической функции. Ср.: *Из области все едут в Екатеринбург за медицинскими услугами / и ни один человек / в здравом уме и трезвой памяти / не поедет из Екатеринбурга в область / за медицинскими услугами* [ТК «ЕТВ». «Сумма мнений». 29.09.2015]; *(об обещаниях областных властей выделять деньги городу на конкретные проекты – прим. авт.) Морковная запеканка гораздо вкуснее на вкус / чем на слух // Не надо ничего / не забирайте // Мы справимся сами* [РС «Эхо Москвы. Екатеринбург». «Интервью». 05.10.2015].

Применение негативно окрашенных слов и словоформ с ироничным оттенком значения также способствует реализации рефлексивно-критической функции. Ср.: *Меня удивляет то огромное количество людей,*

которые тратят всю энергию не на то, чтобы заработать и купить, а думают, как бы **ловчее оттяпать** у собственных родственников (ЖЖ 17.02.2017).

Важно отметить, что средства имплицитного комического, относящиеся преимущественно к разговорно-просторечному пласту лексики, в большей степени, чем другие разновидности комического, реализуют функцию гармонизации общения: применение просторечий, идиом и фразеологизмов подчеркивает диалогичность коммуникации, способствуя сближению политика и аудитории, актуализируя в сознании адресата образ «своего». Следует также учитывать характерную для современной языковой ситуации общую тенденцию к демократизации и понижению стилистического регистра публичной речи, «проявляющуюся в отказе от прежней официозности, усилении разговорной струи и экспрессивной составляющей текста» [Вепрева 2011: 55]. Ср.: *Мы свою страну знаем / кто везет / на того и грузят* [ТК «41 – Домашний». «Открытая студия. Екатеринбург». 07.12.2015].

2. Комическое, связанное с речевыми механизмами. К данной разновидности комического относятся различные примеры языковой игры, которая является важным лингвостилистическим параметром измерения речекультурной компетенции личности.

Языковая игра может быть выражена в таких явлениях, как намеренное искажение слова, эксперименты с его звуковым составом, с внутренней формой, установление мнимых связей с другими словами и т. п. [Гридина 1996]. Ярким примером фонетической языковой игры является ироничное замечание Е. Ройзмана на вопрос журналиста о партийной реформе. Ср.: *Журналист: Как вы оцениваете партийную реформу, насколько все-таки власть готова пустить другие партии на это поле? – Е. Ройзман: Власть, может быть, и готова, но у нее не получается. (...) Страна гигантская: в Москве говорят «восемь», а во Владивостоке слышат «Вася»* [izvestia.ru. 30.09.2013].

Языковая игра на лексико-грамматическом уровне проявляется в приеме авторской ошибки, грамматических новообразованиях, придающих высказыванию соответствующую тональность. Ср.: *Я оказываюсь в такой унижительной ситуации, когда мне говорят: «Женя, мы тебя выбрали, а тебя даже в телевизоре нет»* [siapress.ru. 16.12.2014]. В приведенном примере – элемент словесной игры, намеренное использование Е. Ройзманом неправильного с нормативной точки зрения предлога, придающее высказыванию саркастический оттенок.

Наиболее ярко языковая игра в речи политика отмечается на уровне высказывания. Ср.: *У меня должность немножко такая / декоративная // Другое дело / что я не декоративный* [ТК «Телекон». «Открытый вопрос». 16.05.2014]; *Бесплатным можно сделать все // только сначала надо решить / кто за это все будет платить* [РС «Авторрадио». «Народ хочет знать». 30.07.2015].

Наряду с собственно языковой игрой, в ряде высказываний Е. Ройзмана нами отмечены элементы языковой рефлексии, которая также является показателем культурно-речевого уровня и проявлением критического мышления говорящего. Ср.: *Журналист: Вы собираетесь досрочно мэрский срок? (...) – Е. Ройзман: Смотрите // Слово досрочно не подходит / потому что*

я работаю // дорабатывать [ТК «ЕТВ». «Сумма мнений». 29.09.2015]; (о переименовании улиц – прим. авт.) *Улица Карла Либкнехта / ну это лингвистическое наказание / это не произнести* [РС «Эхо Москвы. Екатеринбург». «Интервью». 13.07.2015].

В целом характеризуя данную разновидность комического в дискурсе Е. Ройзмана, отметим, что применение языковой игры, помимо реализации рефлексивно-критической функции, имеет безусловное эстетическое значение: оно оживляет политическую речь, придает ей выразительность и экспрессивность, делает ее более запоминающейся, а значит – эффективной.

3. Комическое, вызванное расхождением плана выражения и плана содержания – «семасиологическое комическое». К данной разновидности относится наибольшее количество проанализированных контекстов, являющих собой примеры как мягкой иронии, так и язвительной сатиры и сарказма. Ключевым элементом иронического высказывания – это двусмысленность пропозиции.

В качестве языковых механизмов иронии могут выступать пародии, аллюзии, метафоры, обыгрывание прецедентных текстов, интерстильное тонирование текста и др. Так, к способам создания иронического эффекта в речи Е. Ройзмана можно отнести:

- гиперболу: *У Екатеринбурга никто ничего не спрашивал (...) Это знает / так можно и к Москве присоединиться / если их не спрашивать* [Пресс-конференция Е. Ройзмана. 24.12.2015]; *Мало того, я думаю, что со временем есть идея центр города сделать пешеходным. Просто все привыкли подъезжать на машине к дверям супермаркетов* [РС «Маяк». «Гость в студии». 22.05.2014];
- намеренное нарушение лексико-семантической сочетаемости: *А рассуждения (...) о том, что так устроено в других странах, в России тоже не аргумент. Тут же кто-нибудь скажет тебе: «Мало ли что там разрешено, там вон мужики друг за друга замуж выходят!»* (ЖЖ 13.04.2017);
- цитирования, создающие эффект пародии: *Ну и под конец новости импортозамещения. Пришла интеллигентная женщина с Комсомольской, 13. У нас, говорит, на первом этаже была нелегальная сыроварня* (ЖЖ 31.03.2017);
- антитеза: *...Когда пишут про Дубай что построили новый небоскреб / высотой 500 метров / а здесь в тебе новостей висит что в люк упала лошадь / ну поверьте / очень сложно рассчитывать / на то что ЭКСПО 2020 отдадут сюда* [Первый брифинг после выборов. 09.09.2013];
- аллюзию: *А потом привезли гостиницу из Магадана от мэра Ю.Ф. Гришана. (...) А гонец говорит: «Приезжайте, вам надо побывать у нас в Магадане (...)».* Я говорю: *«Я пока не планировал, но всяко может получиться».* Посмеялись (ЖЖ 31.03.2017).

Важно отметить, что иронические высказывания, основанные на двусмысленности пропозиции, часто требуют от адресата знания макроконтекста для их правильного декодирования. В этом, в частности, проявляется лингвокультурный компонент иронии. Так, в последнем примере иронический эффект основан на воспроизведении в сознании носителей русской

лингвокультуры яркой ассоциации с Магаданом как городом, куда в Советском Союзе отправляли политических заключенных.

Особую роль в дискурсе Е. Ройзмана также играет самоирония. В высказываниях Е. Ройзмана поводом для самоиронии становится возраст политика, детские годы, собственные идеи и др. Ср.: **Если бы я в школе учился по-честному / и ходил бы там на географию / не от дождя прятаться** (...) [РС «КП – Урал». «Гость в студии». 11.06.2014].

Особенно много примеров самоиронии в блогговых записях Е. Ройзмана. Ср.: *Вспомнил разговор один. Мужик говорит: У меня внук, три года ему, а он уже айфон освоил, айпад освоил! Вот ты в три года, что делал? – Я то? Да, как все – гудрон жевал!* (ЖЖ 07.03.2017).

Самоирония в речи политика является мощным риторическим приемом: она «работает» на преодоление различий между политиком и рядовым гражданином, вызывая у аудитории чувство симпатии, укрепляя в сознании адресата образ «народного мэра».

Высказывания политика в пародийно-сатирическом ключе содержат такие языковые средства, как:

- отсылки к уже известной читателю информации: *Уставной суд – это удивительная субстанция. Делать там особо ничего не надо, зарплаты там гигантские, а пенсия по 200 тысяч.* (...) Потом две женщины подряд пришли (...) И когда пенсия 8 тысяч, то прибавка к пенсии в 800 рублей для них, конечно, существенная. **Даже не знаю, как их утешить, может рассказать, что у судей Уставного суда пенсии по 200 тысяч?** (ЖЖ 07.07.2017);
- алогизм: **Потом парень зашел, 43 года. Трое сыновей: 6, 4 и 2 лет.** Жесточайший конфликт с женой (...) И сразу вслед за ним зашла **мать-одиночка с тремя детьми. У нее три девочки. Как-то уравновесила** (ЖЖ 19.05.2017);
- афоризм, перифраза, гипербола и обыгрывание идиомы: *Познер признался, что он употреблял марихуану, даже выращивал и что её надо легализовать. Ну, старость не всегда приходит вместе с мудростью и первая мысль была: «Внукам своим легализуй, добрый дедушка, заодно ещё научи их пальцы в розетку засовывать»* (ЖЖ 06.04.2017);
- гротеск и эффект неожиданности: *Пришла женщина, которая вместе с сестрой, отцом и матерью всю жизнь прожила в двухкомнатной квартире. (...) Денег нет, шансов нет, развехаться не могут. И вдруг появился свет в конце тоннеля. У матери открылся туберкулез. И теперь по закону они могут претендовать на отдельное жилье для матери* (ЖЖ 04.05.2017).

В некоторых высказываниях Е. Ройзмана механизм создания сатирического эффекта заключается в обыгрывании прецедентного текста. Так, в одном из интервью с помощью знаменитой пушкинской метафоры «Петр Первый прорубил окно в Европу» Е. Ройзманом сатирически обыгрывается ситуация экономической и политической напряженности в отношениях России и западных стран. Ср.: *Это совершенно разумный и нормальный процесс (совершать дипломатические встречи с Главами зарубежных городов – прим. авт.) / заданный первым настоящим русским императором / который / именно прорубил окно в Европу / которое мы сейчас пытаемся*

«законопатить» // [РС «Эхо Москвы. Екатеринбург». «Интервью». 14.01.2015]. Комический эффект возникает в результате соположения контекстуальных антонимов – высокой метафоры «прорубить окно в Европу» и разговорной лексемы законопатить.

В другом фрагменте, используя в качестве сферы-источника прецедентности СМИ, Е. Ройзман проводит параллель между телевизионной игрой и действиями областных властей. Ср.: *По митингам / по рекламе / там ситуация такая / знаете / как в «Угадай мелодию» / я угадаю эту мелодию с трех нот / а я с двух / ну угадывай* // [Пресс-конференция Е. Ройзмана. 24.12.2015]. Политик сатирически высмеивает последних, давая понять адресату, что обсуждаемые полномочия не являются для города ключевыми.

Одной из особенностей приемов комического в современном политическом дискурсе, как отмечает А. А. Горностаева, является их агональный характер [Горностаева 2014, 2018 и др.]. Так, саркастические суждения, реализующие в речи Е. Ройзмана агональную функцию, часто строятся на использовании инвективной лексики, фамилий в собирательном значении, дейктических элементов, выражающих пренебрежительное отношение. Ср.: *Когда против тебя работают дебилы / дебилам главное не мешать* // (...) *Появились какие-то карауловы / там / доренки* // *Их извлекли там / отряхнули от нафталина / откуда-то из пыльных шкафов* // (...) *Жирика еще попросили* // *Жирик там еще че-то* [ТК «Продвижение». «Лица». 21.11.2014]. Сарказм также выражается в использовании политиком предикативных элементов с ложной положительной оценкой Ср.: *У нас подряд зашли в город несколько назначенцев, причем все люди амбициозные такие, деятельные* [ТК «Дождь». «Собчак живьем». 10.09.2013].

Немало иронических и саркастических высказываний, построенных, в частности, на принципах языковой игры, присутствует в интервью на социально-политические темы. Ср.: *Я знаю / почему мусора много // Потому что у нас убирают одни таджики // Мало того / как сказал один руководитель / у нас таджики обрусели // Я говорю / это как? Говорит / денег требуют и пить начинают* [ТК «Продвижение». «Лица». 21.11.2014].

В ряде фрагментов комическое может рассматриваться как на уровне отдельных элементов и приемов, так и на текстовом уровне, когда на создание комического эффекта работает одновременно целый комплекс языковых средств. Ср.: *Не люблю я официальные мероприятия. Приемы там всякие, и вообще. Сидишь, важный такой, с умным лицом, галстук тебя душит, вкусного столько на столе, а есть неловко. Только жевать что-нибудь начнешь, и тут же тебе слово предоставят! Или наоборот, кто-нибудь говорит, и тоже нехорошо – человек речь говорит, а ты жуеешься. А в промежутках разные артисты выступают, и как-то тоже неуважительно получается, люди стараются, а ты с набитым ртом. А урывками есть вообще неинтересно, вроде, как жрать сюда пришёл. И вот сидишь, как дурак, морс пьешь...* (ЖЖ 07.10.2016).

Пародийно-иронический эффект данного фрагмента достигается рядом средств: общей тональностью сообщения, дейктическими элементами и определениями с ложной положительно-оценочной коннотацией (*приемы там всякие, важный такой, с умным лицом*),

нарушением лексической сочетаемости (*человек речь говорит*), алогичной аргументацией (*А урывками есть все неинтересно, вроде, как жрать сюда пришёл*), обилием просторечных элементов при описании официального мероприятия (*ты с набитым ртом, жуеешься, как дурак*).

В целом можно отметить, что функции семасиологического комического в речи Е. Ройзмана весьма разнообразны. С одной стороны, это дискредитация политических оппонентов и критическая оценка социально-политических противоречий; с другой стороны, это создание круга «своих» за счет сокращения коммуникативной дистанции между политиком и массовым адресатом, формирование образа «народного политика»; это развлечение адресата и снятие напряжения за счет «перевода» социокультурных реалий в игровую плоскость комического. Как и приемы языковой игры, семасиологическое комическое отражает особенности самовыражения автора политического текста и в этом смысле может рассматриваться как своего рода оценочная шкала для измерения уровня его лингвистической креативности. Так, проанализированный материал позволяет говорить о высокой плотности приемов языковой игры и семасиологического комического в дискурсе экс-главы Екатеринбурга, а значит и о высокой степени проявления творческого начала в речи политика.

Анализ материала позволяет также утверждать, что средства семасиологического комического представляют собой наиболее эмоционально насыщенную разновидность комического в публичной практике Е. Ройзмана. Эмоциональная насыщенность текста в свою очередь свидетельствует о проявлении манипулятивного потенциала языковых средств: изобличая социальные противоречия при помощи ярких образов и экспрессивных синтаксических конструкций, автор текста апеллирует не только к разуму, но и к эмоционально-чувственной сфере адресата, что, безусловно, скорее заставляет последнего поверить в истинность авторских суждений.

4. Комическое, связанное с жанровой природой.

К данной разновидности комического в рамках проанализированного текстового материала относится наименьшее количество примеров. Это преимущественно блогговые записи политика, оформленные в жанре байки или истории из жизни, стилизованной под анекдот. Ср.: *В Перми на улице мужик в инвалидной коляске – ног нету, укрыт полосатым пледом. Ни кепки, ни кружки, но видно, что денег просит. Причем, как-то с достоинством и молча. Я наскреб каких-то денег, подошел к нему, и говорю: – Держи, поделись! Он взял деньги, посмотрел на меня, и спрашивает озабоченно: – У самого-то остались?* (ЖЖ 24.02.2017). Использование политиком историй подобного рода можно рассматривать как средство гармонизации общения между политиком и адресатом, а также как способ самопрезентации – через косвенное указание на собственные положительные качества (в приведенном примере – привычка подавать милостыню нищим как проявление доброты и отзывчивости).

5. Комическое, имеющее источником экстралингвистическую реальность. В проанализированных контекстах источником комизма являются ситуации абсурда, которые с разной степенью негативности высме-

иваются политиком. Ср.: *Пришел полковник Олег Чернов, ему 89 лет. Он пришел по поводу участка земли (...) «За 2 года моя очередь с 3479 стала 3461, то есть, чтобы получить своих 6 соток, мне 388 лет ждать».* И смеется. Ну, что, говорю, **хорошая мотивация жить долго**» (ЖЖ 04.05.2017).

Отметим, что при описании ситуаций абсурда Е. Ройзман нередко также использует отдельные приемы языковой игры и иронии. Последние могут способствовать смягчению остроты описываемой проблемы. Ср.: *Пришла женщина. Жалуется, что у них на Вторичке время от времени возникает какой-то запах. (...) И уже много лет каждый, кто избирается по этому округу, обещает всем жителям этот запах ликвидировать и всех обеспечить озоном. Но это еще что. На Химмаше находятся очень мощные очистные и, когда ветер с юга, там может так напахнуть, что глаза режет. А люди, которые едут в машинах, конфузятся, смотрят друг на друга и говорят: «Это не я!»* (ЖЖ 28.04.2016).

Или другой пример. Ср.: *Женщина пришла. (...) В 76ом году дали служебную квартиру в доме на Норильской (...) В пятнадцатом году прокуратур сделал предписание, дескать, дом не пригоден для жилья, примите меры. Меры тут же приняли: отключили электричество и обрезали все трубы. И объявили дом нежилым. И отчитались. И бедная тетюшка сидит там, как Челюскин во льдах. Отопления нет, туалет в кустах. Зато всё видно, потому что со светом мы договорились* (ЖЖ 27.09.16). В данном фрагменте острота сатирического эффекта достигается рядом средств: абсурдностью самой ситуации, контрастированием пародийно-саркастической тональности в описании действий чиновников и коммунальных служб с тональностью объективного сообщения, обыгрыванием прецедентного феномена *Челюскин во льдах*, иронической гиперболой *зато всё видно*, еще больше подчеркивающей очевидную абсурдность ситуации.

Как можно видеть, основной предметной сферой комического изобличения в речи Е. Ройзмана чаще всего являются социально-политические и морально-этические противоречия. Важно также отметить, что экстралингвистические факты как источник комического в выступлениях политика затрагивают уровень знаний преимущественно жителей Екатеринбурга и области, однако комизм изобличаемых проблем и противоречий, безусловно, понятен всему лингвокультурному сообществу, а следовательно носит не региональный, а общенациональный характер.

Заключение

Предложенный в данной статье анализ комических репрезентаций в публичной коммуникативной практике известного российского политика и экс-главы Екатеринбурга Е. Ройзмана позволяет утверждать, что рассматриваемый индивидуальный дискурс является собой фрагмент общенационального политического дискурса и в полной мере отражает такую тенденцию в развитии последнего, как сближение с досуговым направлением СМИ, которое выражается в активном инкорпорировании комического в содержательное поле текстов политического свойства.

Анализ средств комического в дискурсе экс-главы Екатеринбурга позволил сделать следующие выводы о специфике его индивидуального стиля.

1. Функции и механизмы комического в речи Е. Ройзмана разнообразны. Комическое помогает политику в наиболее выразительной языковой форме транслировать собственные мысли и оценки (рефлексивно-критическая функция), в правильном свете позиционировать себя (функция самопрезентации) и наиболее эффективно дискредитировать политических оппонентов (агональная функция). Комическое в речи политика выполняет также фасилитативную функцию и функцию гармонизации общения с массовым адресатом.
2. Наиболее активно в дискурсе Е. Ройзмана применяются эффекты семасиологического комического – иронические и саркастические высказывания, построенные по принципу двусмысленности пропозиции. К средствам языковой объективации иронии и сарказма в речи политика относится целый комплекс средств и приемов: аллюзии, метафоры, алогизмы, прецедентные тексты и т. д.
3. В качестве предметной сферы комического в дискурсе Е. Ройзмана наиболее часто выступают социально-политические проблемы – вопросы административно-хозяйственного характера, борьба политических сил, межличностные отношения людей на фоне социальных и морально-этических противоречий. Нередки в речи Е. Ройзмана и примеры самоиронии, способствующей реализации развлекательной и гармонизирующей функций, а также укрепляющей в сознании адресата образ «своего».
4. Разнообразие средств вербализации комических эффектов и их высокая плотность в дискурсе Е. Ройзмана свидетельствуют об оригинальности речевой манеры политика, о его склонности к творческому использованию языка. Комическое оживляет политические тексты Е. Ройзмана, придает им определенную художественную ценность, позволяя политику полнее и ярче выразить свое индивидуально-авторское восприятие окружающей действительности и сделать коммуникацию с массовой аудиторией более эффективной.

Предложенный в данной статье анализ, безусловно, не в полной мере отражает тот огромный потенциал средств комического, который может использоваться как в индивидуальных дискурсивных практиках политиков, так и в целом в сфере политической коммуникации. В этой связи представляется весьма перспективным дальнейшее изучение реализации категории комического в современной публичной речи, в том числе в аспекте взаимодействия политического и развлекательного дискурсов СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д. Эстетический и антиэстетический аспекты комизма // *Логический анализ языка: языковые механизмы комизма* / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 2007. – С. 5–17.
- Базылев В. Н. Политический дискурс в России // *Политическая лингвистика*. – 2005. – № 15. – С. 5–32.
- Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. – М.: Знание, 1991. – 64 с.
- Бушев А. Б. Жанры и языковые механизмы комического // *Альманах кафедры культурологии и Центра изучения культуры философского факультета Санкт-Петербургского гос. ун-та / Санкт-Петербургское философское общество*. – СПб., 2011. – № 12. – С. 217–234.
- Бычков П. А. Психологический портрет Навального Алексея Анатольевича. – 2014. – Режим доступа: politkavkaz.ru.
- Васильев А. Д. «Свои» и «чужие» в контексте программы «Прямая линия с Владимиром Путиным» (2014 г.) // *Политическая лингвистика*. – 2015. – № 4 (54). – С. 18–24.
- Вепрева И. Т. Метаязыковые высказывания как сигналы стилистических сдвигов: к проблеме новых методов исследования // *Stylistika XX 2011 / Polish Academy of Sciences, Opole university, Opole Learned society*. – Opole, 2011. – С. 55–65.
- Гаврилова М. В. Некоторые черты речевого портрета президента России Д. А. Медведева // *Вестник ТвГУ. Серия «Филология»*. – 2011. – № 1. – С. 4–10.
- Гертнер Е. В. Штрихи к речевому имиджу Ксении Собчак: на пути к политической аналитике // *Речевое воздействие в политическом дискурсе: материалы Международной научной конференции*. Екатеринбург, 1–3 декабря 2016 г. – Екатеринбург, 2016. – С. 20–23.
- Горностаева А. А. Ирония в политическом дискурсе: агрессия или развлечение? // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. – 2014. – № 3. – С. 64–74.
- Горностаева А. А. Иронические метафоры в политическом дискурсе // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. – 2018. – Т. 22. – № 1. – С. 108–125.
- Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996. – 214 с.
- Енина Л. В., Зубова Л. В. Политические фигуры на поле комического в массмедиа: смешные и серьезные // *Политическая лингвистика*. – 2015. – № 4. – С. 77–81.
- Желтухина М. Р. Комическое в политическом дискурсе (на материале немецкого и русского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Волгоград, 2000. – 250 с.
- Зеленский В. В. Послесловие к книге: В. Одайник. Психология политики. Психологические и социальные идеи Карла Густава Юнга. – СПб.: Ювента, 1996. – С. 368–380.
- Кошкарлова Н. Н. Пресс-конференция президента России (18 мая 2011 г.): стилистика и риторика текста // *Политическая лингвистика*. – 2011. – № 3. – С. 87–92.
- Ларина Т. В. Коммуникативный этностиль как способ систематизации этнокультурных особенностей поведения // *Cuadernos de Rusística Espanola*. – 2013. – № 9. – С. 193–204.
- Липко Ю. Г., Антипова И. А. Языковая личность Барака Обамы: взлет политической карьеры // *Известия Иркутской государственной экономической академии*. – 2014. – № 2. – С. 186–190.
- Лихун С. Ю. Метафора в речи председателя КНР Си Цзиньпина // *Политическая лингвистика*. – 2017. – № 6. – С. 135–140.
- Нахимова Е. А., Чудинов А. П. Современная лингвополитическая персонология // *Политическая лингвистика*. – 2014. – № 2. – С. 290–293.
- Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. – М.: Лабиринт, 2002. – 192 с.
- Садуов Р. Т. Политический дискурс Барака Х. Обамы в преломлении лингвокультурного и семиотического аспектов // *Политическая лингвистика*. – 2011. – № 3 (37). – С. 147–161.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 696 с.

- Федорова А. В. Лингвистические особенности речевого воздействия в политическом выступлении Терезы Мэй // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – 2018. – № 3. – С. 45–52.
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.
- Чудинов А. П., Никифорова М. В. Лингвополитическая персонология как научное направление // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2018. – № 1. – С. 45–52.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: моногр. – Волгоград: Перемена, 2000. – 367 с.
- Шилихина К. М. Вербальная ирония: аномальное или нетривиальное использование языка // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 2. – С. 178–182.
- Gibbs R. W. On the psycholinguistics of sarcasm // Gibbs R. W. & Colston H. L. (Eds.). Irony in language and thought: A cognitive science reader. – New York, 2007. – P. 173–200.
- Hall K., Goldstein D. M., Ingram M. B. The hands of Donald Trump: Entertainment, gesture, spectacle // HAU: Journal of Ethnographic Theory. – 2016. – № 6 (2). – P. 71–100.
- Juraj H. Critical Discourse Analysis of Obama's Political Discourse. – Режим доступа: www.researchgate.net/publication/242544517_Critical_Discourse_Analysis_of_Obama's_Political_Discourse (дата обращения: 20.09.2017).
- Kotthoff H. Ritual and style across cultures // Kotthoff H. and Spencer Oatey H. (Eds.). Handbook of Intercultural Communication. – Berlin: Mouton de Gruyter., 2009. – P. 173–197.
- Lakoff G. The President Is The Nation: The Central Metaphor Trump Lives By. – Режим доступа: georgelakoff.com/2017/08/01/the-president-is-the-nation-the-central-metaphor-trump-lives-by (дата обращения: 15.08.2017).
- Larina T. V. Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies // International Review of Pragmatics. – 2015. № 7. – P. 195–215.
- Lipka L. Non-serious Text Types, Comic Discourse, Humour, Puns, Language Play, Limericks, Punning and Joking // SKASE Journal of Theoretical Linguistics. – 2009. – Vol. 6. – Issue 1. – P. 84–91.

REFERENCES

- Arutyunova, N. D. (2007). *Esteticheskiy i antiesteticheskiy aspekty komizma*. [Aesthetic and Anti-aesthetic Aspects of the Comic]. In Arutyunova, N. D. (Ed.). *Logicheskiy analiz yazyka: yazykovye mekhanizmy komizma*. Moscow, pp. 5–17.
- Baranov, A. N., Kazakevich, E. G. (1991). *Parlamentskie debaty: traditsii i novatsii*. [Parliamentary Debate: Traditions and Innovations]. Moscow, Znanie. 64 p.
- Bazylev, V. N. (2005). *Politicheskiiy diskurs v Rossii*. [Political Discourse in Russia]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 15, pp. 5–32.
- Bushev, A. B. (2011). *Zhanry i yazykovye mekhanizmy komicheskogo*. [Genres and Linguistic Mechanisms of the Comic]. In *Al'manakh kafedry kul'turologii i tsentra izucheniya kul'tury filosofskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta*. St. Petersburg. No. 12, pp. 217–234.
- Bychkov, P. A. (2014). *Psikhologicheskiiy portret Naval'nogo Alekseya Anatol'evicha*. [Psychological Portrait of Alexei Anatolyevich Navalny]. URL: politkavkaz.ru.
- Caduov, R. T. (2011). *Politicheskiiy diskurs Baraka Kh. Obamy v prelomlenii lingvokul'turnogo i semioticheskogo aspektov*. [Linguistic, Cultural and Semiotic Aspects of Barack H. Obama's Political Discourse]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 3, pp. 147–161.
- Chudinov, A. P. (2006). *Politicheskaya lingvistika*. [Political Linguistics]. Moscow, Flinta, Nauka. 256 p.
- Chudinov, A. P., Nikiforova, M. V. (2018). *Lingvopoliticheskaya personologiya kak nauchnoe napravlenie*. [Linguopolitical Personology as a Scientific Trend]. In *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly*. No. 1, pp. 45–52.
- Enina, L. V., Zubova, L. V. (2015). *Politicheskiiy figury na pole komicheskogo v massmedia: smeshnye i ser'eznye*. [Political Figures on the Background of the Comical in Mass Media: Funny Things and Serious Stuff]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 4, pp. 77–81.
- Fedorova, A. V. (2018). *Lingvisticheskie osobennosti rechevogo vozdeystviya v politicheskom vystuplenii Terezy Mey*. [Linguistic Peculiarities of Persuasiveness of Theresa May's Political Speech]. In *Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika*. No. 3, pp. 45–52.
- Gavrilova, M. V. (2011). *Nekotorye cherty rechevogo portreta prezidenta Rossii D. A. Medvedeva*. [Some Features of a Rhetoric Portrait of Russian President D. A. Medvedev]. In *Vestnik TvGU. Seriya «Filologiya»*. No. 1, pp. 4–10.
- Gertner, E. V. (2016). *Shtrikhii k rechevomu imidžu Ksenii Sobchak: na puti k politicheskoy analitike*. [The Speech Image of Ksenia Sobchak: on the Way to Political Analytics]. In *Rechevoe vozdeystvie v politicheskom diskurse: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Ekaterinburg, 1–3 dekabrya 2016 g.* Ekaterinburg, pp. 290–293.
- Gibbs, R. W. (2007). On the Psycholinguistics of Sarcasm. In Gibbs, R. W. & Colston, H. L. (Eds.). *Irony in Language and Thought: A Cognitive Science Reader*. New York, pp. 173–200.
- Gornostaeva, A. A. (2014). *Ironiya v politicheskom diskurse: agressiya ili razvlechenie?* [Irony in Political Discourse: Aggression or Entertainment?]. In *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika*. No. 3, pp. 64–74.
- Gornostaeva, A. A. (2018). *Ironicheskie metafory v politicheskom diskurse*. [Ironic Metaphors in Political Discourse]. In *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika*. Vol. 22. No. 1, pp. 108–125.
- Gridina, T. A. (1996). *Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo*. [Play upon Words: Stereotypes and Creativity]. Ekaterinburg. 214 p.
- Hall, K., Goldstein, D. M., Ingram, M. B. (2016). The hands of Donald Trump: Entertainment, Gesture, Spectacle. In HAU: Journal of Ethnographic Theory. No. 6 (2), pp. 71–100.
- Juraj, H. Critical Discourse Analysis of Obama's Political Discourse. URL: www.researchgate.net/publication/242544517_Critical_Discourse_Analysis_of_Obama's_Political_Discourse (mode of access: 20.09.2017).
- Koshkarova, N. N. (2011). *Press-konferentsiya prezidenta Rossii (18 maya 2011 g.): stilistika i ritorika teksta*. [Press Conference of Russia's President (May, 18 2011): Text-oriented Stylistics and Rhetoric]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 3, pp. 87–92.
- Kotthoff, H. (2009). *Ritual and Style across Cultures*. Handbook of Intercultural Communication. Berlin, Mouton de Gruyter, pp. 173–197.
- Kozhina, M. N. (Ed.). (2006). *Stilisticheskiiy entsiklopedicheskiiy slovar' russkogo yazyka*. [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Nauka, Flinta. 696 p.
- Lakoff, G. The President Is The Nation: The Central Metaphor Trump Lives By. georgelakoff.com/2017/08/01/the-president-is-the-nation-the-central-metaphor-trump-lives-by (mode of access: 15.08.2017).
- Larina, T. V. (2013). *Kommunikativnyy etnostil' kak sposob sistematizatsii etnokul'turnykh osobennostey povedeniya*. [Communicative Ethnic Style as a Way of Systematization of Ethno-cultural Behavior Characteristics]. In *Cuadernos de Rusistica Espanola*. No 9, pp. 193–204.
- Larina, T. V. (2015). *Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies*. In *International Review of Pragmatics*. No. 7, pp. 195–215.
- Lipka, L. (2009). *Non-serious Text Types, Comic Discourse, Humour, Puns, Language Play, Limericks, Punning and Joking*. In *SKASE Journal of Theoretical Linguistics*. Vol. 6. No. 1, pp. 84–91.
- Lipko, Yu. G., Antipeva, I. A. (2014). *Yazykovaya lichnost' Baraka Obamy: vzlet politicheskoy kar'ery*. [Linguistic Personality of Barack Obama: the Rise of his Political Career]. In *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii*. No. 2, pp. 186–190.
- Nakhimova, E. A., Chudinov, A. P. (2014). *Sovremennaya lingvopoliticheskaya personologiya*. [Contemporary Linguistic Personology]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 2, pp. 290–293.
- Propp, V. Ya. (2002). *Problemy komizma i smekha*. [Problems of the Comic and Laughter]. Moscow, Labirint. 192 p.
- Sheygal, E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa*. [Semiotics of Political Discourse]. Volgograd, Peremena. 367 p.

- Shilikhina, K. M. (2013). *Verbal'naya ironiya: anomal'noe ili netrivial'noe ispol'zovanie yazyka*. [Verbal Irony: Anomalous or Non-trivial Language Use?]. In *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. No 2, pp. 178–182.
- Vasil'ev, A. D. (2015). «Svoi» i «chuzhie» v kontekste programmy «Pryamaya liniya s Vladimirom Putinym» (2014 g.). [Friends and Enemies in the Context of Program “Direct Line with Vladimir Putin” (2014)]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 4, pp. 18–24.
- Vepreva, I. T. (2011). *Metazykovye vyskazyvaniya kak signaly stilisticheskikh sdvigov: k probleme novykh metodov issledovaniya*. [Metalanguage Statements as Signals of Stylistic Shifts: towards the Problem of New Research Methods]. In *Stylistika XX 2011*. Opole, pp. 55–65.
- Xu Lihong. (2017). *Metafora v rechi predsedatelya KNR Si Tszin'pina*. [Metaphor in the Speech of Chinese President Xi Jinping]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 6, pp. 135–140.
- Zelenskiy, V. V. (1996). *Posleslovie k knige: V. Odaynik. Psikhologiya politiki. Psikhologicheskie i sotsial'nye idei Karla Gustava Yunga*. [The Afterword to the Book: V. Odaynik. The Psychology of Politics: Psychological and Social Ideas of Karl Gustav Jung]. St. Petersburg, Yuventa, pp. 368–380.
- Zheltukhina, M. R. (2000). *Komicheskoe v politicheskom diskurse (na materiale nemetskogo i russkogo yazykov)*. [The Comic in Political Discourse (based on the Material of the German and Russian Languages)]. Dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd. 250 p.

Данные об авторах

Чудинов Анатолий Прокопьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.
E-mail: ap_chudinov@mail.ru.

Никифорова Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург).

Адрес: 620219, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62.
E-mail: armada29@yandex.ru.

Author's information

Chudinov Anatoliy Prokop'evich – Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Nikiforova Marina Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Business Foreign Language, Ural State University of Economics (Ekaterinburg).